

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2(09)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.52-66

МИР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОЧЕРИ ДЕКАНА Д.Ф. БЕЛЯЕВА

Л.А. Сыченкова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Неопубликованные воспоминания Зои Дмитриевны Беляевой – дочери декана историко-филологического факультета, византиниста Д.Ф. Беляева (1846–1901) – помогают понять, насколько тесно были переплетены профессиональная и частная жизнь ученого. Мемуары не только дополняют сведения о повседневной жизни профессора, но и вскрывают малоизвестные пласты жизни университетской корпорации конца XIX в., обогащая ее летопись интересными деталями и фактами. Университетские дела, корпоративные ритуалы, профессиональные интересы определяли ритм и стиль жизни профессорской семьи. З.Д. Беляевой удалось уловить и описать главные элементы ментальности корпорации классического университета конца XIX в. Особо значимыми событиями для семьи декана Д.Ф. Беляева и всего университета были торжества по случаю тезоименитства императора, религиозные праздники, посещение учебных музеев, журфиксы. Раскрывая специфику общения внутри факультета, воспоминания добавляют штрихи к портретам коллег Д.Ф. Беляева по Казанскому университету – профессоров Д.А. Корсакова, Ф.М. Мищенко, Н.А. Фирсова, Д.И. Нагуевского. В круг общения семьи Д.Ф. Беляева входили семьи декана физико-математического факультета Д.И. Дубяго, директора народных училищ Казанской губернии А.С. Никольского. Декан Д.Ф. Беляев пользовался расположением ректоров ИКУ К.В. Ворошилова и Н.А. Кремлева, а также попечителя Казанского учебного округа Н.Г. Потапова.

Ключевые слова: Д.Ф. Беляев, Казанский университет, историко-филологический факультет, университетская культура, ментальность академического сообщества, учебные музеи, корпоративные ритуалы, повседневность семьи декана, институт деканства

Д.Ф. Беляев в летописи деканства историко-филологического факультета. Декан историко-филологического факультета Императорского казанского университета (ИКУ) профессор Д.Ф. Беляев был неординарной личностью¹. К моменту избрания его деканом² Дмитрию Федоровичу было всего 39 лет, но он был уже состоявшимся ученым, получившим признание в кругу российских филологов-классиков.

¹ Дмитрий Фёдорович Беляев (1846–1901), антиковед, византинист, профессор ИКУ, член-корр. Императорской АН по разряду классической филологии и археологии (1894). За первые два тома фундаментального труда «Византина. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям» (СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1891–1895), посвященного повседневности византийской аристократии, он получил премию имени митрополита Макария Императорской АН.

² Более молодым деканом был востоковед О.М. Ковалевский, который занял этот пост в 37 лет.

Д.Ф. Беляев стал шестым деканом в летописи историко-филологического факультета ИКУ³ и занимал эту должность в течение десяти лет: первый раз – с 1 октября 1883 г. по 15 сентября 1886 г., а затем с 1886 до 1897 г. (I, с. 50).

Личность Д.Ф. Беляева представляет интерес не только в связи с его творчеством, но и в связи с тем, что он руководил историко-филологическим факультетом ИКУ (последнее до сих пор не было предметом специального исследования). В настоящее время в историографии недостаточно изученными остаются институт деканства и роль личности руководителей факультетов в системе российских университетов. Историографы в последние годы последовательно рассматривают различные элементы организации в системе высшего образования дореволюционной России: институт ректорства [1], положение профессоров [2], доцентов [3, с. 37–44]. Между тем именно фигура декана, масштаб его личности, политическое и научное мировоззрение, характер определяли стратегию развития факультета.

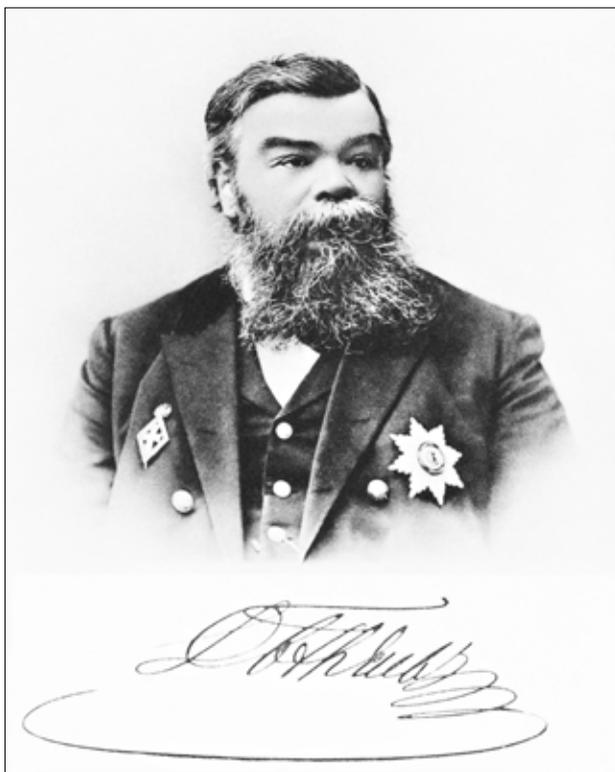

Фото 1. Дмитрий Федорович Беляев, профессор ИКУ

Декан историко-филологического факультета ИКУ занимал особое место среди других деканов, хотя факультет был самый малочисленный. Значимость истфилфаков в университетах Российской империи определялась тем, что факультет готовил специалистов, формировавших идеологическую опору самодержавия. Его выпускники не только работали преподавателями

³ Во время его выборов действовал Устав 1863 г., по которому должность декана была выборной.

гимназий, училищ, высших учебных заведений, но и занимали ключевые посты в аппарате Министерства просвещения и Министерства иностранных дел, служили дипломатами, послами, переводчиками. Выпускники этого факультета возглавляли редакции книжных издательств, газет, журналов. Поэтому отчеты истфилфака размещали на первом месте в годичных отчетах университета (II). Деканы факультета занимали самые почетные места на университетских церемониях, имели особые отношения с ректорами и попечителями учебных округов.

Всего в истории Казанского университета с 1835 до 1921 г. было десять деканов историко-филологического факультета⁴: О.М. Ковалевский, Н.Н. Булич, А.Н. Владимирский, Н.А. Фирсов, И.М. Добротворский, Д.Ф. Беляев, А.И. Смирнов, Д.А. Корсаков, А.И. Александров, С.П. Шестаков, причем О.М. Ковалевский и Н.Н. Булич занимали эту должность трижды, Н.А. Фирсов и Д.Ф. Беляев – дважды (III, с. 409–410).

Период деканства Д.Ф. Беляева совпал с эпохой, кризисной для историко-филологических факультетов российских университетов. В это время отмечался поразительный «упадок слушателей (за 20 лет в три раза) на историко-филологических факультетах, которые подверглись главным ударам устава 1884 г., пытавшегося превратить этот факультет в специальную школу древних языков с дополнительными предметами – историей и литературой» (IV, с. 799).

Воспоминания дочери. Воспоминания дочери Д.Ф. Беляева – З.Д. Беляевой (1880–1943)⁵ – это напечатанная на машинке рукопись объемом 138 страниц (V). Эти мемуары до настоящего времени не были предметом специального исследования в историографии. По своему жанру текст рукописи З.Д. Беляевой – это отложенные воспоминания детства. Они были написаны дочерью профессора в 30-е годы XX в., когда автору было 50 лет. Хронологически рукопись З.Д. Беляевой отражает период ее детства и юности: с 1885 до 1897 г. Ее детство совпало с эпохой деканства Д.Ф. Беляева на историко-филологическом факультете ИКУ.

Мотивы обращения З.Д. Беляевой к воспоминаниям. Необходимо учитывать не только личность, профессиональную подготовку автора воспоминаний, но и контекст эпохи, в которой был создан документ. Советская эпоха 30-х годов XX в. накладывала отпечаток на этот источник. З.Д. Беляева с наслаждением погружалась в исчезнувший мир университетской культуры XIX в., столь контрастирующий с реальностью 30-х годов XX в., в которой она жила. В ее повествовании два мира – ее безоблачного детства и советского времени – никак не пересекались. З.Д. Беляева подробно рассказывает только о жизни семьи в Казани конца XIX в., ничего не говоря о своей последующей жизни. Она словно пыталась отделить мир прошлого от настоящего.

⁴ Крайние даты в истории факультета в ИКУ определены моментом создания этой структуры в 1835 г. и моментом ее закрытия в 1921 г. при новой власти, когда истфилфак был преобразован в факультет общественных наук (ФОН).

⁵ Беляева Зоя Дмитриевна (1880–1943), в замужестве Шаблюнская, окончила Бестужевские курсы. Ее отец – профессор Д.Ф. Беляев – умер, когда ей исполнилось 20 лет.

Фото 2. Зоя Дмитриевна Беляева (Шаблювская). 10-е годы XX в.

У этих мемуаров особый стиль, поскольку автор реконструирует картины жизни семьи декана Д.Ф. Беляева, увиденные глазами ребенка, «вспоминая» свое восприятие событий и окружающего мира. В рукописи З.Д. Беляевой отражены разные стороны жизни декана: быт и уклад повседневной жизни семьи, религиозные, семейные, корпоративные праздники, ритуалы общения с коллегами внутри факультета и внутри университетского сообщества, яркие события 80–90-х годов XIX в. в жизни ИКУ.

Что подвигло З.Д. Беляеву на написание воспоминаний об отце? Главный мотив – спасти от забвения имя ученого. К началу 30-х годов XX в., когда писались эти воспоминания, вклад профессора Д.Ф. Беляева в византистику, в историографию и историю Казанского университета был почти забыт. С 20-х годов XX в. византистика в советской историографии на многие десятилетия оказалась под негласным запретом. Интерес к научному наследию казанского ученого проявился только в последние десятилетия в связи с актуализацией культурно-исторического направления в российском гуманитарном знании [4]. Историографы стали рассматривать Ф.Д. Беляева как ключевую фигуру в истории петербургского антиковедения [5] и казанского византиноведения. Накопленные к настоящему времени результаты по исследованию его трудов позволяют вписать достижения казанских ученых в пространство мировой византистики [6].

Другой мотив обращения З.Д. Беляевой к воспоминаниям был сугубо личный. З.Д. Беляева, по-видимому, изначально не ставила задачи воссоздать

в полном объеме жизнь отца. Она писала текст очень герметично, обращаясь только к образу прошлого, запечатленному в ее памяти. Фигуры профессора Д.Ф. Беляева, его коллег и знакомых семьи представлены на фоне ее детства. Поэтому главными героями книги являются не только отец, профессор Д.Ф. Беляев, но и его дочь. Воспоминания З.Д. Беляевой написаны в стиле литературно-исторического повествования без использования вымысла и без попыток верификации фактов, изложенных в них, архивными документами. Автор книги не использовала в тексте переписку родителей, отца с коллегами, учениками [7], рецензии на его труды, семейные фото. Биография отца, его коллег и знакомых семьи, жизнь факультета и университета «вкраплены» З.Д. Беляевой в ее рассказ о своем детстве.

По ностальгическим интонациям в тексте рукописи можно предполагать, что сам процесс мысленного погружения в пространство детства доставлял автору удовольствие. З.Д. Беляева подробно описывала свои переживания, страхи, сны, игры, учебу, ссоры с братом и даже влюбленности своих подруг. Автор воссоздает «образ эпохи», пытаясь передать свои тактильные ощущения детства: запахи университетских музеев, запах отцовского кабинета, который в ее сознании зафиксировался под названием «запах Византии», звуки казанских улиц.

В рукописи нет истории происхождения Д.Ф. Беляева, рассказов о его родителях и его дяде⁶, описания периода его детства и учебы в Санкт-Петербурге, его научной карьеры до переезда в Казань. Вне поля зрения автора оказалась даже история женитьбы Д.Ф. Беляева на ее матери. Дочь не упоминала об участии отца в экспедициях, практически не называла его научных трудов, кроме «Византии». Вскользь она упомянула о командировке отца в Италию.

О.К. Хмельницкий⁷ в предисловии к рукописи характеризует З.Д. Беляеву как «образованнейшего человека с колоссальной эрудицией и запасом знаний в области истории, литературы и искусства» (V, с. 13).

Мы выбрали те аспекты рукописи, которые нам показались наиболее важными для характеристики личности декана Д.Ф. Беляева, его общения с коллегами на факультете и внутри университета, уклада жизни его семьи. Это те стороны в истории научного сообщества, представление о которых невозможно воссоздать, опираясь только на официальные документы и даже используя переписку.

Повседневная жизнь декана: семья, круг близких коллег. Дочь практически не характеризует бытовую сторону жизни семьи. Она кратко упоминает о том, как отец распекал нерадивых подрядчиков (V, с. 52). Она описывает колоритный мир домашней прислуги, но очень скупое и редко отмечает, что пили и ели в доме. Вскользь она пишет о том, что кухарка готовила им рубленые котлеты (V, с. 52), а во время журфиксов гостям подавали мороженое (V, с. 126). Больше внимания З.Д. Беляева уделяла описанию системы домашнего обучения детей языкам, истории, географии.

В рукописи можно обнаружить описание внутренней жизни факультетского сообщества. «Никогда не было времени в моей жизни, чтобы не собирались про-

⁶ Д.Ф. Беляев к шести годам остался полным сиротой. Его воспитывал дядя-священник [5, с. 45].

⁷ Хмельницкий Олег Константинович (1920–2004) – доктор медицинских наук, патологоанатом, профессор Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования. Он был учеником З.Д. Беляевой, которому она передала рукопись с надеждой на ее последующую публикацию.

фессора у нас в гостиной, в папином кабинете, а потом за длинным раздвижным столом у нас в столовой, и все они говорил о науке. Собирались преимущественно лингвисты. Особенно заметен был интерес к древним языкам, к санскриту⁸; наряду с ними шли разговоры об археологии. Древность во всех видах была предметом культа этих людей. Всё теперешнее, житейское было ничто перед нею. Только в древности происходили настоящие большие события, только тогда за много веков и тысячелетий жили великие люди, герои. Теперь ничего этого нет. Мир замер в неподвижности. История кончилась. Смысл жизни в изучении древности» (V, с. 67).

Материальное положение деканов. Семья профессора Д.Ф. Беляева состояла из шести человек: это он сам, жена, трое детей (сын Дмитрий, две дочери – Зоя и Люцелла) и теща – мать жены. Первая дочь в семье профессора Д.Ф. Беляева появилась в 1880 г., когда ему уже было 36 лет. Раньше он не мог позволить себе иметь семью, поскольку был бы в не состоянии ее материально обеспечить. Профессор был единственным кормильцем в семье. Все то, что он имел, было приобретено на заработанные им деньги: «Папа, строивший дом на свои трудовые сбережения, воплотивший мечты своей низшей молодости, бросившего семинарию семинариста, своим горбом пробившегося к университету» (V, с. 52). Разное социальное происхождение профессоров определяло уровень их материального достатка. Профессора из дворян, как друг Д.Ф. Беляева – Д.А. Корсаков [8], владели имениями и домами, собирали коллекцию живописи.

Известно, что Д.Ф. Беляев получал 3 600 руб. в год. Но жалование декана ИКУ не обеспечивало устойчивого материального положения. С момента избрания деканом и до 1888 г. семья профессора Д.Ф. Беляева жила, как писала дочь, в старом «зорастровском доме», купленном в 1883 г. «В течение десяти лет папа откладывал деньги, чтобы пристроить к этому маленькому дому, состоящему всего из пяти комнат и антресолей, еще одну комнату с кухней со всей гигиеной. Я помню рваные заплатаанные папины ботинки, на которые мне указывала мама: “Смотри, он для вас дом строить будет”» (V, с. 40). В рукописи отмечено, что профессор ходил в старых ботинках и, уже будучи деканом, отказывал себе в покупке новых перчаток для парадного мундира, жена и дочь штопали его носки, а праздничные наряды дочерей были более скромные, чем у детей его коллег. Семье приходилось экономить на всем, кроме книг, поэтому в домашнем кабинете Д.Ф. Беляева была богатая библиотека, «фолианты» дорогих книг, энциклопедий, словарей и альбомов на разных языках.

Учебные музеи университета. Д.Ф. Беляев заботился об образовании своих детей, возил их в университет, показывал учебные музеи. З.Д. Беляева дает описание археологического, зоологического, геологического музеев и астрономической обсерватории ИКУ. Большая часть этих музеев сохранилась до настоящего времени и является предметом гордости Казанского университета.

Так, из текста рукописи можно понять, что в главе об университете речь идет о «Музее древностей и искусств» того времени, когда его экспозиция еще

⁸ В ИКУ с середины XIX в. преподавали санскритский язык, а в типографии печатали учебники на санскрите.

умещалась в одном кабинете: «Папа берет нас тогда в свой кабинет. У него в университете есть свой кабинет. Там стоят статуи, только нехорошие, с отбитыми руками и ногами, лежат византийские книги» (V, с.126). Следует отметить, что именно при деканстве Д.Ф. Беляева и под руководством византиниста и историка искусства Д.В. Айналова этот музей искусств был кардинально преобразован: он получил новое помещение на втором этаже главного здания, его библиотека расширилась, а его экспозиция приобрела законченный вид художественного музея [9, с. 98–105]. З.Д. Беляева пишет: «Теперь я ищу случая попасть в папин кабинет. Это археологический кабинет. Там находятся витрины со старинными монетами, карты древнего мира. Одна замечательная карта по Геродоту. Вместо Индийского океана там белое место, и написано: “*Terra Incognita*”» (V, с. 126–127).

В зоологическом музее дочери декана особенно запомнился неприятный запах, исходивший от чучел зверьков, обсыпанных белым порошком, с мертвыми, стеклянными глазами. В геологическом музее – важный профессор А.А. Штукенберг⁹, камни и древние окаменелости (V, с. 129).

З.Д. Беляева описала сильное эмоциональное потрясение, пережитое ею при посещении астрономической обсерватории. Она в деталях передала ритуал подготовки к этому визиту. Мать заранее показала детям энциклопедический словарь Мейера¹⁰ и рассказала о Солнечной системе, Сатурне с кольцом, горах на Луне. От посещения обсерватории в памяти дочери сохранились образ «мадам Дубяго в черном бархатном платье» с красивыми руками, завораживающая тишина, ощущение торжественности и какого-то колдовства в доме. Новое представление о пространстве и космосе, о котором им сообщил профессор Д.И. Дубяго¹¹, было непостижимо для ее детского сознания: «Вечером брат выносит сентенцию: “Земля тоже будет потом и без воды, и без воздуха, как луна. ...Папа сказал”. Эта мысль поражает. ...Наш мозг, видимо, не может воспринять какой-то мысли. Мы угнетены» (V, с. 131).

Домашний кабинет: «пахнет Византией». Профессор Д.Ф. Беляев был не только главным добытчиком, обеспечивавшим материальное благополучие семьи, но и непререкаемым авторитетом. В семье был культ отца. Вот что пишет об отношении к главе семьи З.Д. Беляева: «Мы даже носили зимой войлочные туфли, чтобы папе не мешать своим топотом, и ни в коем случае не было разрешено пробегать мимо кабинета с криком или смехом. “Папа занимается” – это была высшая ценность» (V, с. 66).

Дочь реконструирует кабинет отца, а по существу, творческую лабораторию ученого-гуманитария: «“В кабинете пахнет Византией”. Так сказала бабушка. Пользуясь тем, что папа еще не вернулся из университета, я... проникаю в его кабинет. Тишина. Книги в шкафах, книги на столах. Специально поставлен большой стол, бывший столовый, на нем раскрытые книги навалены одна на

⁹ Штукенберг Александр Антонович (1844–1905) – профессор ИКУ, один из создателей Геологического музея Казанского университета, ныне носящего его имя.

¹⁰ Энциклопедический словарь Мейера (Meyers Konversations-Lexikon) – одна из главных немецких энциклопедий, существовавшая под различными названиями с 1839 г.

¹¹ Дубяго Дмитрий Иванович (1888–1937) – астроном, декан физико-математического факультета, ректор ИКУ с 1899 по 1905 г.

другую. Огромные фолианты, как называет их мама. Они в желтых пергаментных переплетах. Это и есть “Византия”. Ею-то и пахнет в кабинете. Я втягиваю воздух. Действительно, пахнет не так, как у нас в детской или у бабушки. Пахнет табаком, пахнет чем-то словно бы немного прелым. Так пахнут книги, я знаю. Проверяю себя, обнюхиваю “фолианты”. Это они так пахнут. Еще пахнет папин старый портфель, вон он, на кресле. Еще так пахнет подушка на диване. Мы ее все трое по канве совместно вышивали к именинам. Теперь она немного промаслилась, пахнет папиными черными кудрявыми волосами и бородой. Все это вместе – “запах Византии”. Папа пишет большое сочинение про Византию. Вон на столе его рукопись. На несогнутых больших листах, с широкими полями. Папа пишет мелко, четко, красиво. Но буквы у него совсем не такие, какие у нас в тетрадках, и ничего понять нельзя. Какая такая Византия?» (V, с. 102–103).

Обязательные ритуалы. Д.Ф. Беляев был верующим человеком, и не только потому, что он был из семьи священника и учился в семинарии, но и потому, что предмет его научных исследований был тесным образом связан с историей православной культуры. Религия играла важную роль в жизни университетского сообщества, однако эта сторона жизни ИКУ недостаточно изучена. Известно, что состав студентов, преподавателей и сотрудников университета был многонациональным и поликонфессиональным. Среди преподавателей и сотрудников были христиане – православные, лютеране и католики, буддисты и мусульмане.

Православные праздники были главными событиями для университета и членов семьи декана Д.Ф. Беляева. Особо торжественно отмечался день тезоименитства императора Александра III¹². Дочь профессора подробно описала церемонию подготовки семьи к участию в празднике (V, с. 119): «Высокоторжественный день – тезоименитства Государя Императора. Так значится в календаре. Сегодня с нами в церковь пойдет и папа. Приготовления начинаются с вечера. ... Утром начинается одевание папы. Мундир едва сходится на животе. Мама нацепляет ему голубую ленту, звезду, орден на шею, орден на грудь и шпагу. ... Выходят на свет белые лайковые перчатки, в которых папа венчался. Они ему на руку не лезут, но, из экономии, новых он покупать не хочет. Ничего, будет держать в руке для виду. На голове треуголка с позументами и серебряными шнурами. ... Мама слегка подталкивает папу к выходу. “Ордена” – говорит она. ... Место у зеркала занимает она и надевает сиреневое платье со шлейфом, а на голову наколку из кружева. “Деканша” – говорит она не то с иронией, не то с гордостью».

Предлагаемое З.Д. Беляевой описание главного здания и его внутреннего пространства позволяет по-новому взглянуть на привычный для нас образ университета: «Самое прочное здание города – наш университет. Я нахожу его прекрасным, я горжусь им. Он белый с колоннами, как античный храм. Таким только и может быть университет. Я нахожу его прекрасным. Я горжусь им. На фронте золотой крест на фоне синего неба. И крест не такой, как везде, не с перекладинами, не с висюльками, а простой “латинский” крест, как гово-

¹² Дочь не датирует это событие, но известно, что день тезоименитства императора Александра III отмечался 30 августа (12 сентября по новому стилю), который совпадал с днем празднования ордена Александра Невского.

рит мама. ...К парадному входу подъезжают экипажи. Выходят орденастые профессора и нарядные дамы. Мы тоже входим. Постлан по ступенькам коврик, а в дверях стоит раззолоченный швейцар с булавой: палка такая с набалдашником, как большая булавка» (V, с. 128).

Университетская церковь. «Мы – университетские!» Далее повествуется о празднике в пространстве университетской церкви. Известно, что это была Крестовоздвиженская церковь ИКУ [10]. Сегодня в ней располагается музей истории университета. «Мы идем в церковь. ...Это совсем особенная церковь. Мама говорит, что ее строили “масоны”. ...По обе стороны церкви ряд высоких белых колонн. Папа называет такое расположение церкви “базиликой”. У первой колонны справа наше место и место ректорских детей – Ворошилят¹³. Их много. ...Сам Ворошилов в орденах и белых брюках уже находится в профессорской. По ту стороны колонны встает попечитель Потапов, тоже в белых штанах. ...У второй колонны место директора народных училищ.

С той стороны – слева, у первой колонны появляются две совершенно одинаковые девочки – близнецы Маня и Лида Михайловы. ...Они, кажется, из купцов, поэтому я на них гляжу немного свысока. У нас хуже ленты, но мы – университетские» (V, с. 102–103). Какая гордость в этих словах! Дочь понимает, что статус семьи в обществе, положение в социальной иерархии зависели не только от богатства, но и от принадлежности к корпорации. «Вот момент крайне важный – привезли гимназистов. У II-й гимназии нет своей церкви. ...Они заполняют собою середину церкви» (V, с. 102–103).

Колонны церкви приобретали символическое значение в дни торжественных богослужений, они «фиксировали» место чинов и членов их семей согласно университетским званиям. В пространстве церкви прихожане «расслаивались», как на шахматной доске: по краям – ректор, деканы и попечитель, посередине – гимназисты. Вероятно, этот регламент был где-то четко расписан. Однако даже устные легенды университета не сохранили до наших дней преданий о таком порядке расположения чинов в дни праздничных служб в церкви. Фотодокументы, к сожалению, не зафиксировали изображения ректора и попечителя в праздничной одежде, элементом которой были белые брюки. Такой комплект мундира был расписан в положении Министерства народного просвещения (VI, с. 4).

Жена и дети Д.Ф. Беляева жили интересами главы семьи: «Университет проникает к нам... и через подслушанные разговоры профессоров, и разговоры папы и мамы между собой. Один такой разговор долго помнился мне, словно сквозь сон, и хранился на дне памяти. Это было на антресолях старого дома, следовательно, не позднее 1888 года» (V, с. 66).

Дети расспрашивали дворника факультета Ю. Гаврилова об отношении к коллегам отца. «“Какие? Ну, известно, какие господа бывают? – с понятием. Не нашего ума дела”. Подумал и прибавляет: “А господин профессор Корсаков – не чета другим, – доподлинный барин. И с вашим папашей – первейшие приятели”.

¹³ Ворошилов Константин Васильевич (1842–1899) – ректор Императорского Казанского университета (1889–1899), профессор, декан физико-математического факультета. Его дочери – Елизавета (1881), Надежда (1889). Сыновья – Александр (1882), Василий (1883), Константин (1885), Сергей (1887).

А Мищенко¹⁴, а Нагуевский¹⁵? – допытываемся мы. Гаврилов крутит носом. “Не нам судить-с, а только ежели бы мое мнение спросили, то за какие дела господа Мищенко из родных мест, из Киева сюда приехали? И господина Нагуевско-го? Мое такое рассуждение: опасные они люди”» (V, с. 59).

Разговоры на журфиксах в доме декана. Журфиксы – фиксированные дни недели, в которые хозяева дома принимали гостей – были обязательным ритуалом в университетском сообществе [11]. Декан по статусу должен был принимать у себя коллег по факультету. Дочь Д.Ф. Беляева описала примерные темы разговоров на журфиксах в их доме. Однажды в центре внимания оказалась жена приехавшего в Казань из Киева профессора Ф.Г. Мищенко, не скрывавшая в близком кругу своих украинофильских взглядов. «Красивейшая мадам Мищенко на нашем журфиксе выразилась про Казань так: “Здесь – на чужбине”. Я помню, ей горячо возражали, что для русского всякий уголок России – Родина, а не – чужбина. Кто же она такая – не русская разве, а говорит по-русски, но как-то иначе, чем мы. “Украинофильство, – сказал папа, – неправильно это Вы, напрасно”» (V, с. 59).

Совет факультета: партии. «В четверг папа позже приезжает из университета. У него заседание, притом еще «факультетское». Слова совершенно непонятные. Папа после занятий бывает крайне возбужден... долго что-то рассказывает маме. Ходит по комнате и скрипит одним башмаком. Слышаться слова: “Фирсачи” и “Надо Нагуевскому наступить на язык”. Было очень смешно. Мы знали строгого профессора Фирсова: он на журфиксах ел неопрятно, бросал кости под стол и даже раз локтем залез в тарелочку с мороженым. Был еще молодой Фирсов – его сын. Но фирсачи, кто они такие? “Усачи”. “Бородачи”. “Кусачи”. “Лохмачи”. Мы с братом, раз услышав такое, прыснули от смеха. ...Брат объяснил мне, что фирсачи против папы, у него есть своя партия, а у папы своя. Папина партия, конечно, хорошая» (V, с. 126). Однажды брат сообщил Зое о сути подслушанных в кабинете отца разговоров коллег, где «обсуждались факультетские дела. Брат не совсем понял, в чем дело, но было ясно, что у папы есть враги, а папа декан, а фирсачи как будто хотят другого декана, м[ожет] б[ыть], даже старого Фирсова¹⁶. Ну а Корсаков с папой? Это много значит» (V, с. 111).

Политические взгляды Д.Ф. Беляева. Воспоминания дочери позволяют утверждать, что Д.Ф. Беляев был крайне взволнован событиями 4 декабря 1887 г. в Казанском университете. «Я хорошо помню эти дни. ...Папа пришел наверх (в антресоли) взволнованный и бледный. Он рассказывал маме о происшествиях в университете. Я слышала слова: студенты, стачка, не вышли на лекцию, шумели в коридоре. Студент Алексеев ударил ректора Кремлева¹⁷ по лицу. Студентов отправят в штрафной батальон» (V, с. 132).

З.Д. Беляева описывала события сходки 1887 г. таким образом, будто бы уже тогда знала о значении участвовавших в нем людей и их исторической роли

¹⁴ Мищенко Федор Герасимович (1848–1906) – историк античности, профессор университета св. Владимира в Киеве с 1872 по 1884 г., профессор Казанского университета с 1884 по 1906 г.

¹⁵ Нагуевский Дарий Ильич (1845–1918) – поляк, профессор римской словесности Казанского университета с 1883 по 1918 г.

¹⁶ Фирсов Николай Алексеевич (1831–1896) – историк, профессор, декан истфилфака ИКУ с 1871 по 1872 и с 1878 по 1881 гг.

¹⁷ Кремлев Николай Александрович (1833–1910) – юрист, декан юридического факультета, ректор ИКУ в 1872–1876 и в 1885–1889 гг.

в судьбе страны. В частности, она упоминает среди зачинщиков студенческого бунта В.И. Ульянова. Однако описываемые события происходили тогда, когда автору воспоминаний было всего шесть лет, и понимать их значимость, а тем более фигуры Ульянова, для истории страны в то время она не могла в силу возраста.

Общественные взгляды и убеждения Д.Ф. Беляева отражены в его трудах. Ученого не случайно интересовали византийская империя, история монархии. Византинистика более, чем другие науки гуманитарного цикла, была в XIX в. политической наукой и состояла на службе самодержавия. В Византийской империи ученый видел образец для многих государств.

Д.Ф. Беляев находился на посту декана до своего увольнения в 1897 г. (VII, л. 1). После отставки с поста декана в судьбе факультета он участия не принимал¹⁸. Он скончался уже в Петербурге в 1901 г. О проведении 11 марта 1901 г. литургии и панихиды по умершему профессору Д.Ф. Беляеву в университетской церкви распорядился его друг, новый ректор ИКУ Д.И. Дубяго (VIII, л. 7).

Судьба семьи. Судьбы детей декана Д.Ф. Беляева сложились по-разному. З.Д. Беляева (1880–1943) много лет преподавала историю и литературу в школе г. Тулы, писала исторические работы (IX). Она не избежала репрессий. В 1943 г. была осуждена по ст. 58-10. Умерла в тюрьме¹⁹. Только в 1989 г. З.Д. Беляева была реабилитирована (V, с. 6). Младшая дочь профессора – Люцелла Дмитриевна Беляева (1883–1942) – стала искусствоведом, работала в Русском музее Ленинграда, занималась изучением русского декоративного искусства (X). Сын профессора – Дмитрий Дмитриевич Беляев (1882–1960) – получил образование востоковеда, с 1904 г. служил на дипломатическом поприще в МИД, был консулом в Кермане (с 1906), Джедде (1908–1909). С 1910 г. он работал секретарем Генерального консула в Тегеране, затем сотрудником консульства в Эрзеруме и Бендер-Бушире (XI). После революции он оказался в эмиграции сначала в Турции, потом в Бельгии (XII). Некоторые его потомки проживают в Петербурге, другие – за границей. Но это – уже другая история.

Постскриптум. Воспоминания З.Д. Беляевой – очень информативный источник, который позволяет выяснить много новых сведений не только о честной жизни декана Д.Ф. Беляева, но и об обстановке на факультете, внутри сообщества историков. Но любые воспоминания – это весьма субъективный источник ретроспективного восстановления событий прошлого. Дочь в ее возрасте не могла знать всего о жизни отца, не могла определить его вклад в развитие истфилфака. З.Д. Беляева описала только то, что она запомнила, на что обратила внимание в детском возрасте. Маловероятно, что различные группировки на факультете можно назвать «партиями». Их появление связано с борьбой амбиций среди ученых, с конкуренцией академических направлений, научных подходов. Замечание дочери об «украинофильских взглядах» антиковеда Ф.Г. Мищенко стало предметом изучения российских историографов в конце XX в. [12, с. 175–176].

Рукопись помогает понять психотип личности ученого. Не нам судить о том, каким он был человеком, и это, на наш взгляд, не научная задача. У Д.Ф. Беляева

¹⁸ Его сменил на посту декана в 1897 году историк, философ, профессор Аполлон Иванович Смирнов (1838–1902).

¹⁹ До осуждения З.Д. Беляева содержалась в тюрьме Управления Народного комиссариата государственной безопасности Ленобласти (УНКГБ).

был сложный характер, он обладал своими слабостями и достоинствами. Воспоминания раскрывают только некоторые стороны его натуры: взрывной темперамент, основательность во всем, стремление держать все под контролем как в домашнем хозяйстве, так и на факультете, целеустремленность, трудолюбие. Известно, что Д.Ф. Беляев вел напряженную научную и общественную жизнь и, видимо, не всегда соблюдал режим питания и отдыха, имел вредные привычки (курил). Чрезмерная эмоциональность в отношении к событиям, вероятно, стала причиной апоплексического удара у Д.Ф. Беляева, последствием чего стала его ранняя смерть в 55 лет.

Судьба рукописи. З.Д. Беляева не успела или не имела возможности осуществить публикацию рукописи. Она передала рукопись своему ученику – доктору медицинских наук, профессору О.К. Хмельницкому с надеждой на ее дальнейшую публикацию. В 1970 г. О.К. Хмельницкий передал рукопись в дар библиотеке Казанского университета (V, с. 4).

Рукопись заслуживает публикации не только потому, что она хорошо написана – в ней много культурных пластов и она заполняет еще один пробел в летописи историко-филологического факультета и Императорского Казанского университета. Воспоминания З.Д. Беляевой позволяют читателю погрузиться в атмосферу университетской культуры XIX в., научного поиска, в мир корпоративных традиций, величавых ритуалов и церемоний, которыми всегда была богата история университета.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I. *Загоскин Н.П.* Беляев Дмитрий Федорович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: за сто лет (1804–1904): в 2 ч. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1904. Ч. 1. С. 50–52.
- II. Годишный отчет о состоянии Имп. Казанского университета за 1877 гражданский год / Сост. секретарем совета Н.Г. Фастрицким. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та. 1878. 43 с.
- III. *Загоскин Н.П.* История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1906. Т. 4. ч. 3: (1819–1827). 692 с.
- IV. *Милюков П.Н.* Университеты в России // *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902. Т. 35а. С. 751–803.
- V. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Д. № 9321. Беляева З.Д. Старая Казань [Воспоминания. 80-90-е гг. XIX в.]. Л., 30-е гг. XX в. Машинопись. 133 с.
- VI. Положение о форменной одежде для чинов ведомства Министерства народного просвещения. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. 8 с.
- VII. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 12. Д. 1709. Об увольнении от службы в связи с болезнью по прошению ординарного профессора Беляева. 15 л.
- VIII. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 12. Д. 1674. Протоколы историко-филологического факультета. 114 л.

- IX. *Шаблювская З.Д.* О войне. Тула: Тул. союз кредит. и ссудосберег. т-в, 1917. 7 с.
- X. *Беляева Л.Д.* Русское бисерное шитье. Пг.: б. и., 1923. 8 с.
- XI. Донесение Императорского Российского вице-консула в Бендер-Бушире Д.Д. Беляева. Положение Российской торговли в Персидском заливе // Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Вып. 38. Пг.: Тип-я В.Ф. Киршбаума, 1914. С. 79–87.
- XII. Предварительный список российских дипломатов, оставшихся в эмиграции после Октября 1917 г. URL: http://www.bfrz.ru/data/rus_diplomatu/rus_diplomatu_spisok.pdf, свободный.

Литература

1. *Грибовский М.В.* Ректорский корпус российских императорских университетов. Между государством и корпорацией // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 92–109.
2. *Грибовский М.В.* Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 144–163.
3. *Бон Томас М.* Русская историческая наука (1881 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа / Пер. с нем. Д. Торицина. СПб.: Олеариус Пресс, 2005. 269 с.
4. *Сыченкова Л.А.* Беляев Дмитрий Федорович // Сыченкова Л.А. Отечественные культуроведы второй половины XIX – начала 30-х годов XX в. Библиографический словарь. Казань: Казанский университет, 1997. С. 12–13.
5. *Смышляева В.П.* Беляев Дмитрий Федорович // Словарь Петербургских антиковедов XIX – начала XX века: в 3 т. / Редкол.: А.К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб.: Bibl. Classica Petropolitana, 2021. Т. I: А–К. С. 45–48.
6. *Сыченкова А.А., Никитин А.А.* Вклад Дмитрия Федоровича Беляева в развитие казанского византиноведения // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сб. статей и сообщений: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. Т. 1. С. 142–147.
7. *Никитин А.А., Хохлов А.А.* Новые факты из жизни профессора Д.Ф. Беляева в свете переписки с Д.А. Корсаковым // История и архивы. 2023. Т. 5, № 1. С. 13–23. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2023-5-1-12-23>.
8. *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова», или «обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 4. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 413–440.
9. *Сыченкова Л.А.* Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии, 2012. № 1 (5). С. 98–112.
10. *Трегубов А.А.* Домовая церковь Императорского Казанского университета и богословское образование в конце XIX – начале XX в. // Вестн. МарГУ. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 267–276.
11. *Дорофеев С.С., Корзун В.П.* Русские журфиксы во второй половине XIX века как социокультурное явление и их роль в жизни молодого ученого // Гуманитарное знание: ежегодник. Вып. 4 / Ред.-сост. А.Г. Киселев. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 104–112.
12. *Картюк С.Г.* Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета // Вестн. древней истории. 1993. № 1. С. 175–181.

Поступила в редакцию 20.07.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 4, pp. 52–66

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.4.52-66

**University Culture in the 19th Century through the Memoirs
of Dean D.F. Belyaev's Daughter**

L.A. Sychenkova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru

Received July 20, 2024; Accepted September 20, 2024

Abstract

The unpublished memoirs of Zoya Dmitrievna Belyaeva, who was the daughter of D.F. Belyaev (1846–1901), an esteemed Byzantinist and the dean of the Faculty of History and Philology at Kazan Imperial University, reveal how her father's professional duties were inextricably intertwined with his personal experiences. These reflections not only capture the nuances of the scholar's everyday life but also share the author's perspective on the university culture of the late 19th century, thus enriching its history with many new, previously unknown, details and facts. The rhythm and lifestyle of D.F. Belyaev's family were defined by the university events, corporate rituals, and professional interests. Z.D. Belyaeva skillfully captured the mindset typical of the classical academic community in those times. The celebration of the Emperor's name day, religious holidays, visits to educational museums, jour fixes were especially important for both the family and the entire university. The descriptions of the interactions among the faculty members flesh out the portrayals of D.F. Belyaev's colleagues at Kazan University: D.A. Korsakov, F.M. Mishchenko, N.A. Firsov, and D.I. Naguevskii. The social circle of the family included the families of D.I. Dubyago, the dean of the Faculty of Physics and Mathematics, and A.S. Nikol'skii, the head of public schools in the Kazan Governorate. D.F. Belyaev enjoyed the favor of K.V. Voroshilov and N.A. Kremlev, the rectors of Kazan Imperial University, as well as N.G. Potapov, the trustee of the Kazan Educational District.

Keywords: D.F. Belyaev, Kazan University, Faculty of History and Philology, university culture, mindset of the academic community, educational museums, corporate rituals, everyday life of the dean's family, institution of deanship

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Photo Captions

Photo 1. Dmitrii Fedorovich Belyaev, Professor of Kazan Imperial University.

Photo 2. Zoya Dmitrievna Belyaeva (Shabliovskaya), 1910s.

References

1. Gribovskii M.V. The rectors of Russian imperial universities. Between the state and corporation. *Dialog so Vremenem*, 2023, no. 84, pp. 92–109. (In Russian)

2. Gribovskii M.V. Professor's fee as a mirror of broader issues within universities in the late 19th through early 20th centuries. *Dialog so Vremenem*, 2018, no. 62, pp. 144–163. (In Russian)
3. Bohn T.M. *Russkaya istoricheskaya nauka (1881 g. – 1905 g.). Pavel Nikolaevich Milyukov i Moskovskaya shkola* [Russian Historiography from 1880 to 1905. Pavel N. Miliukov and the Moscow School]. Toritsin D. (Trans.). St. Petersburg, Olearius Press, 2005. 269 p. (In Russian)
4. Sychenkova L.A. Belyaev Dmitrii Fedorovich. In: Sychenkova L.A. *Otechestvennye kulturovedy vtoroi poloviny XIX – nachala 30-kh godov XX v. Bibliograficheskii slovar'* [Russian Cultural Scholars in the Second Half of the 19th Century and the Early the 1930s. A Biobibliographical Dictionary]. Kazan, Kazan. Univ., 1997, pp. 12–13. (In Russian)
5. Smyshlyaeva V.P. Belyaev Dmitrii Fedorovich. In: Gavrilov A.K. (Ed.) *Slovar' Peterburgskikh antikovedov XIX – nachala XX veka* [A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th–Early 20th Centuries]. Vol. I: A–K. St. Petersburg, Bibl. Classica Petropolitana, 2021, pp. 45–48. (In Russian)
6. Sychenkova A.A., Nikitin A.A. The contribution of Dmitrii Fedorovich Belyaev to the development of Byzantine studies in Kazan. In: *Vseobshchaya istoriya i istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka: sb. statei i soobshchenii* [World History and Historical Scholarship from the 20th to the Early 21st Century: A Collection of Articles and Reports]. Vol. 1. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2020, pp. 142–147. (In Russian)
7. Nikitin A.A., Khokhlov A.A. New facts from Professor D.F. Belyaev's life in view of the correspondence with D.A. Korsakov. *Istoriya i Arkhivy*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 13–23. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2023-5-1-12-23>. (In Russian)
8. Myagkov G.P., Khammatov Sh.S. “Your loving mother and dearest friend, Sofiya Korsakova”, or the “reverse semantics” of the historian Dmitry Korsakov's life and work. In: *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik* [The Historian's World: A Historiographic Collection of Articles]. Vol. 4. Omsk, Izd. OmGU, 2008, pp. 413–440. (In Russian)
9. Sychenkova L.A. The founders of the Museum of Fine Arts at Kazan University: Dmitrii Ainalov and Aleksei Mironov. *Voprosy Muzeologii*, 2012, no. 1 (5), pp. 98–112. (In Russian)
10. Tregubov A.A. The chapel of Imperial Kazan University and theological education from the second half of the 19th to the early 20th century. *Vestnik MarGU. Seriya "Istoricheskie Nauki. Yuridicheskie Nauki"*, 2019, vol. 5, no. 3 (19), pp. 267–276. (In Russian)
11. Dorofeev S.S., Korzun V.P. Russian jour fixes in the second half of the 19th century as a socio-cultural phenomenon and their role in the life of a young scholar. In: *Gumanitarnoe znanie: ezhegodnik* [Humanities Knowledge: A Yearbook]. Vol. 4. Kiselev A.G. (Ed.). Omsk, Izd. OmGPU, 2000, pp. 104–112. (In Russian)
12. Karpyuk S.G. The case of appointing an ordinary professor of Greek literature at Moscow University. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1993. no. 1, pp. 175–181. (In Russian)

Для цитирования: Сыченкова Л.А. Мир университетской культуры XIX века в воспоминаниях дочери декана Д.Ф. Беляева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 4. С. 52–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.52-66>.

For citation: Sychenkova L.A. University culture in the 19th century through the memoirs of Dean D.F. Belyaev's daughter. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 4, pp. 52–66. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.4.52-66>. (In Russian)